но с благодарностию: были»

никогда не давала в обиду членов этой второй своей семьи, защищала на всех уровнях, готова была придти на помощь всегда и во всём.

Т.В. Панич: В моей памяти она останется очень светлым, тактичным, доброжелательным и открытым человеком. Она была оптимистом, во всем умела отыскать положительные стороны, искренне радовалась успехам других и всегда была готова откликнуться на чужую беду, помогая словом и делом.

Т.И. Ковалёва: Жизненные обстоятельства каждого из нас порой складываются непросто и непредсказуемо. В сложные моменты Елена Константиновна готова была поддерживать коллег и учеников, становилась опорой для них. Но и сама она умела принимать помощь и быть им благодарной — это одно из очень редких качеств, которым может обладать только мудрый и тонко чувствующий человек…

Н.П. Матханова: Вспоминая Елену Константиновну, я хотела бы отметить очень характерную для нее черту: щедрую готовность поделиться знаниями и опытом, помочь, посоветовать. Впервые я оценила это во время подготовки к публикации «Записок» и писем декабриста А.В. Поджио в серии «Полярная звезда». Казалось бы, история декабристов была далека от круга интересов Елены Константиновны, но выяснилось, что это не так. Мне разрешено было пользоваться огромной и богатейшей библиотекой Ромодановских. Елена Константиновна помогала советами, рекомендовала нужные книги и даже сама заказала через своих друзей в Пушкинском Доме микрофильм одного очень нужного дела из Рукописного отдела. Подобные ситуации повторялись не раз. Готовность помочь проявлялась и в совсем обыденных, бытовых делах: передать какую-нибудь посылочку, поделиться пряжей для вязания, дать почитать редкую книгу и т.д.

Е.Н. Проскурина: Известно изречение: «Люди видят лицо, а Бог — сердце человека». Елена Константиновна была человеком, на лице которого высвечивалось сердце. Её отношение к людям отличали открытость и добросердечие. В этих словах можно было бы услышать излишний пафос, если бы не множество фотографий, с которых она смотрит на нас добрым, лучистым взором. И до самого последнего времени неизменное: «У меня все хорошо. Всё нормально. Не волнуйтесь…»

Н.В. Ковтун: Я не помню случая, чтобы Елена Константиновна отказалась помочь: нужна была срочная рецензия на монографию — писала, и притом с удивительным тактом, поражая глубиной собственных знаний, опыта; не успевала к сроку статья — тебя подбадривали и ждали, порой отступая от срока публикаций. Даже когда обращалась по поводу формальных бумаг, Елена Константиновна, всегда уточняла — всё ли в порядке, успели ли дойти… А ведь уже болела, уже, должно быть, знала о ценности оставленного времени. Думаю, эта доброта и редкая нынче несуетность шли от огромной внутренней работы, личной уверенности Елены Константиновны в необходимости своего дела, в верности учеников, в преданности коллег. И здесь она ни в чем не ошиблась.

Л.И. Журова: Помню конференцию в Институте филологии СО РАН в конце уже прошлого века. Выступали специалисты по древнерусской литературе и литературе Нового времени. Я в своем докладе высказалась о возможности использования современных методов в исследовании средневековых текстов. Было много вопросов, я отбивалась и в какой-то момент, почти отчаявшись, взглянула на Елену Константиновну, она подняла большой палец вверх… Я люблю выступать на научных конференциях.

От себя добавлю только одну маленькую деталь. Когда Елена Константиновна была моей научной руководительницей, у неё дома жили собака, кот, попугайчик… Сейчас у обывателей принято подозрительно относиться к людям, которые любят животных. Почему-то считается, что это подразумевает непременную мизантропию. Но по откликам, которые приведены выше, понятно, что Елена Константиновна щедро дарила людям свою любовь. При этом человек, который не заставляет своего ребёнка выкинуть обратно на улицу принесённого домой бездомного кота, — воистину добр ко всему живому.

Аристократическая простота

Елена Константиновна, которую я до очного знакомства представляла как важную, суровую боярыню, в общении была исключительно проста и держалась так, что можно было чувствовать себя рядом с ней совершенно свободно.

Н.А. Непомнящих: Всегда доброжелательная, со спокойной улыбкой, открытая людям, гармонично сочетающая в себе качества успешного руководителя и вдумчивого учёного, она производила впечатление, что всё, чем она занималась, получалось легко и просто, словно само собой.

Т.И. Ковалёва: Елена Константиновна обладала харизмой, притягивающей очень разных и очень интересных людей. У каждого из учеников и коллег Елены Константиновны есть своя незабываемая история о судьбоносной встрече с нею, для многих эта встреча переросла в годы профессиональных и одновременно тёплых человеческих отношений…

В.Е. Головчинер: Самое интересное, удивительное и замечательное в Елене Константиновне было, на мой взгляд, то, что во всех своих проявлениях — и в приватном, личном разговоре, и в большой аудитории она была органична, естественна. Дистанцирующая, ритуальная театральность поведения некоторых руководителей была ей категорически чужда. Думаю, это черта истинно талантливого человека.

С.П. Рожнова: Во времена директорства Елены Константиновны Ромодановской в коллективе (Института филологии СО РАН — ОС) сложился дружески-уважительный стиль общения без иерархической субординации.

В.К. Васильев: В её внутреннем портрете всё больше открывалось и поражало полное отсутствие «высокого академизма», пьедестала, с которым, кажется, рождается русский интеллигент. Особенно удивительным образ её представал «на фоне» общего портрета современной руководящей и не руководящей интеллигенции.

Но при этом доброта, открытость, интеллигентность сочетались в ней с мягким, но очень решительным отпором, если она сталкивалась с тем, что в современной психологии называется «нарушением границ». Амикошонства она бы не допустила. Она уважала себя — и, как следствие, других.

А.В. Шунков: Для нас каждый приезд Елены Константиновны в Кемерово всегда был событием, которое давало возможность соприкоснуться с человеком, обладавшим истинной интеллигентностью, аристократичностью в поведении, в общении с собеседником. Нам всегда было дорого её искреннее внимание, причем Елена Константиновна очень тонко чувствовала фальшь в человеке, наигранность в манерах, в поведении. Было заметно, что очень многие хотели быть ближе к ней, попасть в круг её общения, но не все могли этого добиться. Да и добиваться было бессмысленно. С присущей ей интеллигентностью Елена Константиновна давала понять собеседнику, что его манера поведения ставит его же самого в глазах окружающих в некрасивое и неловкое положение. И это тоже была определенная школа.

Труды и их плоды

Л.А. Курышева: Умение замечать труды коллег и радоваться чужим успехам — отнюдь не последние качества в нашей профессии. Являясь специалистом по русскому и западноевропейскому средневековью, она как будто приняла и исповедовала саму средневековую идею о единстве учёного мира, Scientific Mundi, беззаветно служащего правде и научному знанию. Она была человеком науки в полном смысле этого выражения.

О.Д. Журавель: «Я очень счастлива, что я филолог. Я так люблю филологию!» — скажет она мне много лет спустя, когда, уже зная, что осталось недолго, она спокойно и мужественно встретит свой недуг.

Н.С. Демкова: Великий труженик, Елена Константиновна могла быть и мастером, и подмастерьем, учителем и учеником. Она могла — с равной степенью уважения к труду — рассматривать научные концепции в академических дискуссиях, работать в студенческом отряде на целине, обсуждать проблемы жизни и сохранности старинной русской книжности в беседах с друзьями и староверами Русского Севера и Сибири…

С.П. Рожнова: Отмеченная за свои труды многими званиями и наградами, в последний год жизни Елена Константиновна заслужила общественное признание как одна из выдающихся женщин Академгородка. «Я сделала себя сама, пройдя в науке путь от лаборанта до члена-корреспондента и директора института», — такова была её самооценка.

И это правда. Елена Константинвна добилась всего в своей жизни сама, упорным трудом, без которого и талант, и задел, обеспеченный родителями, не стоят ничего. Филология была её любовью на всю жизнь, её страстью, смыслом жизни. Работала она фантастически много и постоянно побуждала к работе своих учеников. Помню, как она, после обсуждения предварительного этапа моих исследований, говорила мне с ласковой улыбкой, но твёрдо глядя в глаза: «А теперь, Оля, надо писать! Садитесь и пишите!» Сама она «садилась и писала», по-моему, при любой представившейся возможности — благо, ей всегда было что сказать.

С.К. Севастьянова: Года три назад, когда она начала работать над книгой «Литература и документ», она сказала: «Знаете, я поймала себя на том, что пишу без сносок. Я вышла на новый уровень работы: весь материал в голове, и он сам выстраивается, я уже знаю практически всё, о чем пишу».

Н.Н. Покровский: Весьма заметное (а быть может и наиболее заметное место) в научном творчестве Елены Константиновны занимали памятники и сюжеты общерусской и мировой литературы. Ещё задолго до того, как она обратилась в 1995 г. к трудоёмкому делу сбора материалов для словаря сюжетов и мотивов русской литературы, её внимание привлекли три весьма популярных и в славянской, и в мировой литературе памятника: «Фацеции», «Великое зерцало» и в первую очередь — «Римские деяния» («Gesta romanorum»). Этим последним исследовательница посвятила 30 лет упорной работы, постоянно возвращаясь к важной теме на базе всё новых текстов, рукописей, концепций.

Разносторонний анализ, восходящий к самым кардинальным проблемам литературоведения, может быть успешным лишь при одном непременном условии: накоплении предельно возможной источниковой базы и чёткой научной классификации разнородного материала. В итоговой монографии Е.К. Ромодановской, получившей высокую премию имени Д.С. Лихачёва («Римские деяния на Руси. Вопросы текстологии и русификации. Исследование и издание текстов». — М., 2009), собрана наиболее представительная на сегодняшний день источниковая база: 105 манускриптов одних только «Римских деяний», разделённых исследовательницей на 13 редакций с 6-ю вариантами. Обязательный и следующий этап: вдумчивое сопоставление и анализ всего накопленного массива фактов, рукописных, печатных и фольклорных источников. Иной подход приводит сегодня к созданию многочисленнейших «эпохальных» теорий, не имеющих никакой научной ценности.

Н.А. Непомнящих: Немногие знали, видели, сколько душевных и физических сил порою тратилось, чтобы многое из того, что сейчас существует благодаря Елене Константиновне, состоялось. Прежде всего, сам уникальный Институт филологии — единственный академический филологический институт за Уралом. Далее, во многом именно из-за её настойчивой позиции, мы взялись за амбициозный и совершенно новый проект, аналогов которому не было в отечественной науке — составление «Словаря-указателя сюжетов и мотивов русской литературы».

«Словарь…» был её любимым детищем, на сегодняшний день вышло три экспериментальных выпуска, готовится очередной, опубликовано 10 сборников «Материалов к Словарю». Но её мечтою, устремлением было издать целостный «Словарь», объединяющий в себе тематику и содержание всех выпусков, существенно дополненный, позволяющий судить о сюжетном корпусе русской литературы в целом, о ее частотных и редких мотивах.

Во многом благодаря настойчивости Елены Константиновны состоялся известный не только филологам Сибири «Сибирский филологический журнал», объединивший под одной обложкой не просто несколько сибирских вузов, но и специалистов тех научных направлений, которые заявлены в Институте филологии (филологи, литературоведы, лингвисты), благодаря чему все актуальные вопросы и новейшие достижения могут сразу увидеть свет.

Свою мощную энергию Елена Константиновна направляла не только на собственные труды, но и щедро дарила окружающим:

Е.К. Созина: Елена Константиновна приехала к нам в Екатеринбург на обсуждение проекта академической «Истории литературы Урала». Она моментально включилась в дело, и думаю, только благодаря её мощной и благожелательной поддержке оно сдвинулось с мертвой точки.

С.К. Севастьянова: Тему моей докторской диссертации Елена Константиновна, можно сказать, мне подарила. Сочинениями патриарха Никона — фигуры неоднозначной, противоречивой и яркой для XVII века — она собиралась заняться сама, даже сделала постановочный доклад на международной конференции и опубликовала статью об общих литературных основаниях творчества патриарха Никона и ревнителей благочестия — протопопа Аввакума, дьякона Федора, старца Авраамия, которые, как известно, с патриархом идейно разошлись, что привело к расколу русской церкви. Свою последнюю книгу о литературно-публицистическом наследии патриарха Никона, изданную два года назад в Германии, я посвятила Елене Константиновне — своему учителю и другу.

И, конечно же, стоит вспомнить, что Елена Константиновна была не только видным учёным, но и любящей матерью. Для неё это было очень важным делом. Много сил она отдавала воспитанию дочери Вари, которая стала достойной продолжательницей семейной традиции. Сейчас Варвара Андреевна Ромодановская, признанный специалист в области библеистики, живёт в Санкт-Петербурге и работает в том самом Отделе древнерусской литературы Пушкинского Дома, где когда-то начинала её мама. Елена Константиновна была вправе гордиться дочерью.

«Но след их озёрный светел…»

Вместо эпилога.

В.К. Васильев: Когда я узнал, что Елена Константиновна уже тяжело больна, я много раз брал в руки телефон. Мне хотелось позвонить ей и сказать, что она редкий, прекрасный человек. И всякий раз я останавливал себя. Останавливал, потому что не умею так говорить. Мелькала глупая мысль, что скажу невнятно и бестолковые мои слова могут прозвучать как лесть.

Простите, Елена Константиновна.

Вы одна из тех простых, прекрасных и великих русских женщин, память о которых помогает живущим быть достойнее в своих делах.

О Елене Константиновне Ромодановской вспоминали:

Н.Н. Покровский, академик, заведующий сектором археографии и источниковедения Института истории СО РАН, советник РАН;

Н.С. Демкова, д.ф.н., профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета СПбГУ;

Л.И. Журова, д.ф.н., в.н.с. сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН;

Л.В. Титова, к.ф.н., с.н.с. сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН;

Т.В. Панич, д.ф.н., в.н.с. сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН;

О.Д. Журавель, к.ф.н., с.н.с. сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН, декан факультета журналистики НГУ;

Н.А. Непомнящих, к.ф.н., с.н.с., секретарь сектора литературоведения Института филологии СО РАН;

Т.И. Ковалёва, м.н.с. сектора литературоведения Института филологии СО РАН;

Т.Ф. Чалкова, редактор журнала НИИ Патологии кровообращения им. Е.Н. Мешалкина;

С.К. Севастьянова, д.ф.н., декан гуманитарно-экономического факультета Рубцовского индустриального института, с.н.с. сектора литературоведения Института филологии СО РАН (Новосибирск);

Е.К. Созина, д.ф.н., зав.сектором истории литературы ИИА УрО РАН, Екатеринбург;

А.В. Шунков, к.ф.н., доцент, проректор по научной и инновационной деятельности Кемеровского государственного университета культуры и искусств;

В.Е. Головчинер, д.ф.н., профессор Томского государственного педагогического университета;

С.П. Рожнова, в.н.с. сектора фольклора Института филологии СО РАН, лауреат Государственной премии РФ;

Н.П. Матханова, д.и.н., профессор, г.н.с. сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН;

Л.А. Курышева, к.ф.н., с.н.с. сектора литературоведения Института филологии СО РАН;

Е.Н. Проскурина, к.ф.н., в.н.с. сектора литературоведения Института филологии СО РАН:

М.Н. Климова, к.ф.н., зав. сектором иностранного комплектования Научной библиотеки Томского государственного университета;

В.К. Васильев, к.ф.н., доцент Сибирского федерального университета;

Н.В. Ковтун, д.ф.н., зав.кафедрой русской и зарубежной литературы Сибирского федерального университета.

Услышала и записала О. Савельева, «НВС»
Фото В. Новикова